

СТЕЛЛА ГРЕЙ

Владелец моего тела

Роман-наслаждение от автора
нашумевших бестселлеров Рунета!

18+

Новая романтика

Стелла Грей

Владелец моего тела

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грей С.

Владелец моего тела / С. Грей — «Издательство АСТ»,
2020 — (Новая романтика)

ISBN 978-5-17-112770-1

Я не могу выбросить ее из головы. Сладкая, близкая и такая недоступная. Если бы не кольцо на ее пальце и моя должность, давно бы нашел способ затащить в свою постель. Она мое наваждение, моя слабость, и сегодня она сама пришла отдать над собою власть. Мое имя Фелисити Томпсон, у меня через месяц свадьба с самым замечательным парнем на свете. Но из-за проблем сестры я попала в крупные неприятности и теперь вынуждена расплачиваться по ее долгам. Делать все, лишь бы она не попала за решетку. Какую цену мне придется заплатить за ее ошибку, решать самому жестокому мужчине, которого я только знаю.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112770-1

© Грей С., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Стелла Грей

Владелец моего тела

Глава 1

Адам

Я ею болею.

Она – вирус в моей крови. Зараза, которая не выводится никакими лекарствами. Проклятие, что сводит с ума.

Девочка.

Светлые косы, яркие зеленые глаза и стройное тело. Невинный, мать его, ангел.

Персональный сорт «золотой пылицы»... Она – мой порошок. И у меня зависимость.

Меня выворачивало лишь от осознания этого. Я презираю наркоманов и всегда искренне считал, что выше этого и у меня хватит силы воли не влипнуть в неприятности.

Но влип. С головой ушел в эти воды и задыхаюсь на дне, ощущая, как жжет легкие от недостатка кислорода и выворачивает суставы в ломке по этой женщине. Я лежу в глубине своего омута, давно подружился со всеми чертями и даже начал регулярно пить с ними по вечерам. Мне тут нравится. Меня тут все устраивает.

Но временами приходится особенно сложно.

Вот как сейчас...

Когда она сидит за передней партой на моей лекции и внимательно списывает с доски задание. Хмурит лоб, задумчиво прикусывает колпачок ручки и неосознанно касается его кончиком язычка.

И мои демоны с воем рвутся с цепей, но я лишь крепче затягиваю на них строгий ошейник. Потому что я не психопат. Потому что у меня есть принципы. Потому что Фелисити Томпсон – чужая невеста!

Самостоятельную работу я дал им как нельзя кстати, ведь к концу второй пары мне было все сложнее сосредоточиться на теме занятия. Я смотрел на девушку и залипал на переливах солнца в ее волосах, как последний романтичный придурок.

Но я не романтик. Совсем не романтик.

Многие называют меня циником. Кто-то ограничивается определением «редкий мудака».

И я согласен с ними. Потому что если бы не колечко на пальце Фел, то я бы давно удовлетворил свои желания. Ее кольцо – это тормозные колодки. Венец для моей одержимости, с которой никак не получается сладить. Терновый. Шипами внутрь, прямо как ошейники для демонов похоти, у которых загораются глаза, стоит только этой девушке пройти мимо.

Кто-то из студентов поднял руку, задавая уточняющие вопросы, и мне пришлось включить голову.

Мозги – это хорошо, мозги – это правильно. Где есть здравый смысл и холодный расчет, там нет места для эмоциональных глупостей. Да и вообще, что такое эмоции? Лишь неумение держать под контролем реакции собственного тела.

Еще недавно я презирал таких людей. Казалось бы, что может быть проще, чем сохранять самообладание?

Увы... я оказался не прав. Просчитался, что бывает крайне редко.

Оглушительная трель звонка сигнализировала об окончании моих мучений. Студенты неторопливо потянулись к кафедре, сдавая свои сомнительные творения. Фелисити лихора-

дочно доделывала работу, и как только дверь аудитории хлопнула за спиной последнего студента, я мысленно выругался и рявкнул:

– Мисс Томпсон, мне вас до второго пришествия ждать? Тогда можете уже не торопиться и свой диплом аналитика тоже получить из рук Господа Бога. Думаю, Создателя не затруднит заверить его печатью нашего университета.

Девушка вздрогнула и, торопливо поднявшись, закинула в сумку учебник, конспект и письменные принадлежности, но... промахнулась.

Ч-ч-черт!

– Простите, пожалуйста! – На меня перепуганно уставились самые красивые зеленые глаза на свете из-за стекол прямоугольных очков. Она метнулась ко мне, положила свою работу поверх неровной стопки других таких же и вернулась к своему месту, чтобы собрать разлетевшиеся по полу вещи.

И вот сейчас мне бы встать и уйти. Взять контрольные, за десяток секунд достичь двери и выйти из помещения, где шлейф ее парфюма до сих пор манил меня.

Фел пахла яблоками. Вкусно, соблазнительно... сладко.

Я любил яблоки. Есть.

И мне дико хотелось запустить в девочку свои зубы. Со всей дури цапнуть за шею, чуть ниже ушка с аккуратными серьгами-гвоздиками, так, чтобы остался след, а после зализывать его языком, заглаживать губами.

Надо уходить, Адам... Да что там уходить – валить надо!

Валить, а не сидеть и любоваться, какими красивыми складками легла на паркет длинная юбка из голубого шелка.

Я поймал себя на том, что начинаю вставать, хищно следя за девчонкой и прикидывая, что в ближайшее время в эту аудиторию никто не войдет. Но в этот самый миг, в тот момент, когда я практически разрешил себе маленькую слабость, с последствиями которой стану разбираться позже, на солнце вновь сверкнуло проклятое кольцо.

Демоны взвыли и, скуля, отползли в темные глубины души.

А я резко встал и вышел, но не удержался и на прощание хлопнул дверью.

Как и всегда, по мере отдаления от раздражителя в лице Фел я быстро пришел в себя. Разум прояснился, и я уже мысленно составлял список дел на остаток рабочего дня. Правда, продвижение к кабинету периодически осложняли некоторые особо «умные» студентки. Иногда их желание меня совратить доходило до маразма. Не далее как вчера очередная «сообразительная» девица рухнула у моих ног и умирающим голосом выдохнула, что, кажется, повернула ногу. Сильно! Больно! Идти не может.

А что я? Прошел мимо, сел в авто и уехал. Я ведь не медик.

Впрочем, ничего не имею против помощи ближнему своему... если этот ближний не притворяется.

В общем, затащить в койку меня пытались с завидной регулярностью, и я даже начинал подумывать вести учет самых оригинальных попыток и премировать девчонок в конце года. За фантазию.

Хотя наивные, конечно...

Преподавателям строго запрещено иметь неуставные отношения со студентками. Последствия могут быть катастрофичны. Но все равно они надеются, что меня можно привлечь видом пары упругих сисек в откровенном декольте и короткой юбкой.

Зря. Я никогда не подчинялся общим правилам, да и древнейшие инстинкты срабатывали, в сущности, всего раз. Теперь мне нужно не только тело.

Поймав себя на этой абсурдной мысли, я лишь горько усмехнулся. Все бы хорошо, но из этого правила имелось одно белобрысое исключение. Которое пустило под откос все принципы и убеждения.

За этими невеселыми мыслями я дошел до своего кабинета и погрузился в привычную рабочую атмосферу. К счастью, пока математика и бумажная волокита могли выбить из моей головы вредные мысли.

Посмотрел котировки на бирже и улыбнулся. Дела мои шли в гору. Хорошо быть гениальным аналитиком! К и так немалой зарплате преподавателя это добавляет нехилые дивиденды.

Ну а после нужно было заверить несколько документов. Профессора просили дополнительное финансирование на новые проекты, а также замену некоторого оборудования в аудиториях.

Разобравшись с накопившимся, я устало потер затекшую шею и, пружинисто поднявшись, двинулся к выходу, уже предвкушая дорогу домой и будущие выходные.

Надеюсь, что девочки-студентки уже разъехались по домам и отбиваться от малолеток не придется. Первые два курса у нас самые отчаянные обычно. Так что новые витки охоты на себя и свою «бэу» я переживаю практически ежегодно. Но сейчас конец года, и почти все самоуверенные «львицы» обломали зубы еще в первом семестре. Стало быть, можно выдохнуть.

Дорога до парковки не заняла много времени, но там меня ожидало огромное, просто-таки глобальное потрясение.

– Что за хрень? – озадаченно пробормотал я, осматривая пустое парковочное место, где я утром оставлял свою машину. – Ну и где?!

Фелисити

О, как я была раздражена в тот день.

Лекции закончились, и я бежала прочь из аудитории, дрожа от негодования всем телом. До подобного состояния меня доводил только один человек на свете. Адам Браун. Бог аналитики и сволочь по жизни.

Не далее как вчера днем мне довелось стать свидетельницей очень некрасивой сцены: девушка, которую я несколько раз видела на тренировках черлидеров, задумалась о чем-то и упала, повредив ногу. На стоянке автомобилей, кроме меня, пары первокурсников и профессора Брауна, не было никого. И в то время как я поспешила на помощь к несчастной, он просто обошел ее и сел в свою машину, посоветовав обратиться в травмпункт, а не лежать на пути.

Застыв в полном шоке, я смотрела, как мистер Браун уезжает, включив громкую музыку и не обращая внимания ни на кого вокруг. Благо с девушкой не случилось ничего серьезного – она сразу поднялась и сказала, что в помощи не нуждается. Но эта ситуация в очередной раз показала мне черствость и безразличие профессора.

А когда-то я его боготворила, зачитывалась его трудами и мечтала о личном знакомстве.

И вот новый день и новые разочарования. Я бежала из университета, вспоминая злой, пронизывающий насквозь взгляд профессора. Иногда складывалось ощущение, что он ненавидит меня, но позже я отметала подобные мысли прочь. Такие, как Браун, не питают чувств к простым смертным, они и за людей-то нас вряд ли принимают.

Вздохнув, я чуть задержала воздух в легких и медленно выдохнула, пытаясь привести мысли в порядок и вернуть природный оптимизм. С первого раза помогло мало, зато минут через пять стало легче.

Подумаешь, хлопнул дверью, тоже мне! Главное, работу принял. Еще месяц с небольшим, и я закончу учебу, после чего... Тут я посмотрела на безымянный палец и улыбнулась, вспоминая Эштона.

Вот уже месяц, как мы обручились, и все это время я буквально жила ожиданием его возвращения из Европы. Несмотря на расстояние и пять лет разлуки, наше отношение друг к другу ни капли не изменилось. Как я ждала вечера, как радовалась его улыбке с экрана ноут-

бука... Он был моей спасительной ниточкой, тем, за чье имя цепляешься даже на краю бескрайней пропасти по имени депрессия.

С тех пор как три года назад умер отец, я несколько раз была на грани срыва. Сначала его смерть, потом долги, следом потеря дома и переезд в небольшую квартиру... Пока мы с младшей сестрой оплакивали прошлое и считали, что все самое страшное уже позади, судьба решила доказать нам обратное, показав нашей маме, как прекрасно топить горе на дне бутылки... Вот тогда начался настоящий ужас.

Но все это время Эш был рядом. Каждый день, за редким исключением, он звонил по скайпу и спрашивал, как поживает самая прекрасная девушка в мире. И я улыбалась, забывая о горестях.

Он приезжал три раза в год между сессиями, в остальное время нам достаточно было видеосвязи. Правда, первый год мы болтали часами, теперь же хватало десяти-двадцати минут, чтобы поздороваться и поделиться впечатлениями от прожитого дня. Его время было расписано буквально по минутам, впрочем, как и мое. Наша учеба подходила к концу, и я все чаще задумывалась, что будет дальше, когда он вернется домой окончательно. Но спросить его напрямую не решалась...

Пока Эш сам не завел этот разговор.

Был обычный день, наполненный заботами о матери и бытовыми переживаниями. Мелани снова закрылась в своей комнате, сославшись на плохое самочувствие, что в последнее время случалось все чаще. Я даже стала всерьез беспокоиться о сестренке, ведь она много училась и совсем забывала об отдыхе. Но разговор пришлось отложить из-за собственной занятости. А потом позвонил Эш. Как всегда, в семь часов, и тут же сообщил, что вот-вот меня посетит курьер. Так и случилось.

Молодой парнишка в униформе передал небольшую коробочку и, получив мою подпись, удалился. Я вернулась к ноутбуку, с любопытством рассматривая посылку.

– Что там? – спросила у Эштона, как только села напротив экрана и встретила с ним взглядом.

– Открой, и узнаешь, – резонно ответил он.

Я послушно последовала его совету. Трепета не было, потому что за пять лет отношений по скайпу Эш умудрился приучить меня к подобным сюрпризам. То цветы, то мягкие игрушки, то брелок с нашими именами... В этот раз пришла маленькая коробочка. Небольшой кубик, обтянутый зеленым бархатом.

– Под цвет твоих глаз, – прокомментировал увиденное Эш. – Ну, открывай, Фелли, не томи!

Я нервно рассмеялась. И открыла.

Это было кольцо. Потрясающе красивое, золотое, с камешком. Даже на вид слишком дорогое, чтобы стать очередным подарком.

– Эш... – пролепетала я, вынимая украшение из коробочки.

– Фелли, взгляни на меня, – радостно донеслось в ответ. – Прости, малышка, что не могу встать на колени. Я слишком далеко от тебя. И в то же время так близко. Потому что ты всегда в моем сердце, малышка.

– О, – выдохнула я, чувствуя, как сердце пытается пробиться наружу.

– Выходи за меня, – наконец договорил он, улыбаясь во весь рот.

А я молча смотрела на него, еще не понимая до конца, что произошло.

– Фелли? Ты ответишь мне?

– Да, – кивнула я. Потом покачала головой и добавила: – Нет. То есть я отвечу, конечно! Я... Эш, ты уверен?

– Безусловно. Я приеду через месяц, и мы подадим заявление. Я все продумал, детка. Так что? – Он хмыкнул, повел плечами и спросил, приблизив лицо к камере: – Ты станешь моей женой? Или?..

– Никаких «или», – засмеялась я. – Прости. Я сейчас.

Надев колечко на безымянный палец, восторженно посмотрела на переливающийся в холодном свете лампы камешек и шепнула:

– Конечно, я согласна. Я... Я так счастлива!

Мысленно вернувшись к тому дню, когда мне сделали предложение, я едва не проехала мимо нужной остановки. Окраина района – дом, милый дом.

Квартира оказалась незапертой, и я с чувством полнейшего морального истощения вошла внутрь. Гнетущая тишина меня не обманула – мама была дома, в гостиной. Раскинув руки и ноги, она спала на диване, чуть свесив голову вниз. На полу лежало несколько пустых бутылок из-под джина. Очередной запой, в который она провалилась, длился дольше обычного. Вот уже шестой день я не видела ее трезвой.

На глаза навернулись слезы, губы дрогнули... Я никак не могла поверить, что это не прекратится, что мы с Мел потеряли ее насовсем. Нашу красивую, веселую и жизнерадостную маму подменила боль. Эта незнакомка на диване, с лицом той, что когда-то утешала меня, дую на ранки, убивала надежды на светлое будущее...

Тряхнув головой, я тихо приблизилась к дивану, аккуратно поправила практически бесчувственное тело и собрала бутылки с пола. Мама что-то шепнула, потом всхлипнула и снова затихла. Немного постояв над ней, я в тысячный раз приказала себе быть сильной, а после отправилась на кухню готовить. Она непременно проснется голодной, да и Мел нужно накормить. Бедняжка совсем исхудала. Кроме того, мне предстояло написать несколько рефератов – хоть какая-то, но подработка.

Уже заканчивая чистку картофеля, я услышала трель городского телефона и метнулась в гостиную, переживая, как бы не разбудить маму. Возможно, проспавшись, она смогла бы прийти в себя... Хотя бы на время.

– Слушаю, – шепнула в трубку, прикрывая губы рукой.

– Фел, – на той стороне кто-то всхлипнул. – Это Мелани.

И снова всхлипы, переходящие в булькающие звуки. Меня словно холодной водой облили.

– Что случилось? Почему ты плачешь?

– Я в полиции. С Дерекком. Нас не хотят отпускать. Мы ничего такого... – Она снова всхлипнула, затем рядом раздался мужской голос. Что-то неразборчиво проговорив, он замолчал, а Мелани рыкнула: – Отвали! Мое право позвонить. Не распускай руки, тварь!

Звуки борьбы, шорох и тишина, наступившая следом, убили миллионы моих нервных клеток.

– Мелани! – позвала я сестру почти крича, наплевав на сон пьяной матери.

– Алло, – раздалось с той стороны. Мужчина откашлялся и проговорил: – Не знаю, кем вам приходится эта девица... Ее увели. Эксперт приехал, поэтому...

– Какой эксперт? Где моя сестра?! – в панике закричала я.

– А, так вы сестра, – расстроено ответил мужчина. – Сочувствую. Они с дружкой угнали и разбили машину. При этом были под кайфом. Вам бы приехать в участок и...

– Адрес! – рывкнула я, хватая ручку, лежащую рядом с телефоном и приготовившись записывать все прямо на руке.

– Диктую, – устало ответил мужчина...

Глава 2

Фелисити

Никогда прежде я не думала, что мне придется краснеть за свою сестру. Когда я вошла в полицейский участок, мне показалось, что все смотрят на меня и знают, зачем я сюда пришла. Чудилось, будто вот-вот в меня начнут тыкать пальцами и шептаться: «У нее сестра наркоманка и воровка».

От этих мыслей сердце в груди пропустило удар. Я до сих пор не верила в слова, услышанные по телефону. Не может быть, чтобы Мелани, моя образцовая сестричка, принимала наркотики. Должно быть, это какая-то ошибка. Наверное, она попала в плохую компанию. Даже в самом страшном сне я не могла предположить, что однажды мне придется идти за ней в участок.

Я подошла к ближайшему офицеру и очень тихо произнесла:

– Добрый день. К кому я могу обратиться по поводу Мелани Томпсон?

Офицер поднял на меня взгляд и переспросил:

– Что, простите? Вы бы не могли говорить громче?

Поджала губы, потому что могла, но очень не хотела. Ведь в холле столько людей, и они обязательно услышат фамилию.

– Мелани Томпсон, – все же выговорила я.

Сержант проверил что-то в компьютере, как-то по-особому посмотрел на меня сузившимися глазами, наверное поставив на мне мысленное клеймо сестры наркоманки, а после сухо произнес:

– Вам к офицеру Оливеру Корбену. Второй этаж, кабинет 204.

Услышав эти имя и фамилию, внутри что-то воспряло от радости и надежды. Дело моей сестры попало не к кому-то, а к старому соседу через изгородь от дома, где когда-то жила наша семья до того, как все потерять. Память подкинула воспоминания из детства, как по уик-эндам я висела на руках добродушного толстяка Олли, а он катал меня по двору, называя себя большим индийским слоном. У меня появилась хоть какая-то надежда на помощь.

По ступенькам на второй этаж я взлетела стрелой, сама не ожидая от себя подобной прыти. Двести четвертый кабинет нашелся так же быстро, и, потянув за ручку, я вошла внутрь.

– Добрый день, – тут же поздоровалась с изрядно поседевшим за годы, которые мы не виделись, дядей Оливером. – Я по делу Мелани Томпсон.

Полицейский сидел за одним из четырех столов, читал какие-то документы, но, увидев меня, тут же узнал.

– Фелисити! – воскликнул он. – Хотел бы я сказать, что рад тебя видеть, но предпочел бы это сделать при других обстоятельствах. Присаживайся, у нас будет с тобой серьезный разговор.

Я прошла в глубь кабинета и аккуратно уселась на краешек стула. Мысленно поблагодарила Господа за то, что в комнате не было остальных офицеров. Наверное, мне повезло, иначе бы точно сгорела от стыда, чувствуя на себе их взгляды.

– Расскажите, что произошло, – попросила я. – Из того, что говорила Мел, мало что понятно. Она крупно вляпалась?

– Я бы сказал, что глубоко. В полную задницу, – грубо расставил новые акценты мистер Корбен. – Она и ее дружок угнали автомобиль одного из преподавателей университета, где она

обучается. Влетели в дорожные ограждения, и просто чудо, что не пострадали сами. Потому что вся передняя часть машины разбита в хлам.

По мере его рассказа мое сердце ускорялось. Все быстрее и быстрее. Ну, или мне так казалось, потому что больше всего на свете сейчас хотелось умереть, лишь бы не слушать эти слова и не сгорать от стыда.

– Когда на место аварии прибыла полиция, то у твоей сестры обнаружили три грамма кокаина, у ее друга чуть меньше. А врачебная экспертиза показала, что они и сами были под воздействием наркотиков. Мне жаль, Фелисити. Но ситуация очень плоха.

Корбен показал фотографии с места аварии. Разбитый автомобиль казался смутно знакомым. Наверняка я его не единожды видела в кампусе университета, но сейчас общая нервозность не позволяла собраться и вспомнить, кому именно принадлежала эта машина.

– Что теперь будет? Какое наказание ей грозит?

– Тюрьма, штраф и принудительное лечение.

Мне показалось, что я ослышалась. Тюрьма?!

Я сжала голову руками, прикрыла глаза и попыталась сдержать хлынувшие слезы. Это сон! Дурацкий сон! Все это не со мной. Не моя жизнь сейчас катится под откос, не мою сестру посадят за угон авто, не в меня станут показывать пальцами, когда буду идти по кампусу.

Боже! Мелани ведь отчислят! И меня могут вслед за ней, потому что на репутации будет огромное пятно. И все это за месяц до выпускного!

От подобных мыслей стало вдвойне жутко.

– Неужели нельзя ничего сделать? – взмолилась я, глядя на бывшего соседа полными слез глазами. – Мистер Корбен, посоветуйте хоть что-нибудь!

Почти минуту он колебался, явно над чем-то размышляя, а я всхлипывала и не отводила от него взгляда. Умом отдавала себе отчет, что давя на жалость специально, но другого мне и не оставалось.

– Ладно, – наконец произнес он очень тихо. – Но учти: я пойду на небольшое должностное преступление. Есть один вариант.

– Какой? – ухватила я за призрачную возможность.

– Твоя сестра угнала автомобиль одного из преподавателей. Если ты уговоришь его забрать заявление, то тогда, возможно, Мелани отделается штрафом, исправительными работами и обязательством пройти курс лечения от зависимости.

– Как его фамилия? Я должна поговорить с ним. – В душе поднялась волна несвойственной мне уверенности в собственном успехе.

– Адам Браун, заведующий кафедрой аналитики, если не ошибаюсь. – Полицейский еще раз сверился с какими-то документами в деле сестры. – Но есть одна загвоздка. Если в полиции не будет заведено дело об угоне, он не получит страховку за разбитую не по своей вине машину...

У меня внутри все похолодело. Мало того что сестра разбила авто не просто профессора, а именно Брауна, так еще и ремонт этой машины мог обойтись в кругленькую сумму.

Я не обольщалась, глядя на фотографии искореженного металла. Пусть BMW преподавателя было и не самым дорогим, а вполне себе средним авто по ценовой категории, для меня даже эти деньги были непосильно огромными.

– Я должна поговорить с ним, – все так же уверенно отчеканила я. – Хотя бы попытаться.

Корбен тяжело вздохнул и написал на бумаге адрес Адама.

– Только ни в коем случае не говори, где достала, – передавая записку мне, произнес он. – Если спросят, скажешь, что кто-нибудь из университета подсказал. В противном случае мне сильно попадет за нарушение.

– Разумеется, – поблагодарила я и уже через пять минут вышла на улицу перед участком, прикидывая, каким образом быстрее добраться до дома профессора.

Но самым главным вопросом оставалось, что я ему скажу. Как вообще посмотреть в глаза самому жестокому мужчине университета, при одном взгляде на которого меня брала оторопь? Где возьму столько средств, чтобы расплатиться с ним за ремонт разбитой машины?

У меня нет денег, лишь случайные подработки с написанием курсовых для менее умных сокурсников. Возможно, стоило бы рассмотреть занятость по вечерам в местном «Макдоналдсе». Ведь если стану работать в ночные смены, то... То перспективы все равно выходили не радужные.

Чтобы отработать примерную стоимость починки автомобиля Брауна, мне придется продать себя в рабство всем сетям быстрого питания, начиная от «КФС» и заканчивая «Старбаксом».

Через полчаса я стояла перед высотным домом в центре Нью-Джерси, смотрела на уходящие вверх этажи из стекла и бетона и уже сейчас понимала, какая пропасть лежит между мной и обитателями этого фешенебельного небоскреба. Здесь аренда самой дешевой квартиры в месяц стоила как весь бюджет моей семьи за полгода. Но, наверное, такой специалист и талантливый финансовый аналитик, как Адам Браун, мог себе позволить подобную роскошь.

Где-то внутри неуютно завозилось неуместное случаю чувство черного юмора, заявив, что мне крупно повезло, когда сестра разбила не модный спортивный суперкар, а вполне себе скромное авто. А ведь Адам мог себе позволить такую тачку...

Вот что за мысли в моей голове?

Я судорожно сжала в руках сумочку и шагнула вперед, все еще не представляя, с чего начну разговор. Он ведь наверняка догадается, зачем я пришла. Сумеет совместить мою фамилию с точно такой же фамилией неудавшейся угонщицы. Я уже ощущала на себе уничтожающий взгляд, которым он на меня взглянет...

Стоя перед дверью его квартиры, я долго восстанавливала дыхание, прежде чем нажать кнопку звонка. Один раз мелькнула трусливая мысль сбежать прямо сейчас, но я отмела ее как недостойную.

Здравый смысл уговаривал успокоиться и убеждал, что Адам наверняка сумеет понять мою ситуацию и войти в положение, тем более что я пообещаю ему вернуть все деньги, как только устроюсь на работу. Лишь бы жизнь сестре не ломал и забрал заявление.

С этими мыслями я нажала на кнопку. Ждать долго не пришлось.

Дверь открылась рывком, и я замерла на вдохе. Потому что уже приготовилась выпалить с порога что-то вежливое и уважительное, но вместо этого взгляд уткнулся в обнаженную мускулистую грудь, покрытую жесткими темными волосками. Я попыталась опустить глаза в пол, и это почти получилось, но по пути невольно рассмотрела еще и дорожку из все тех же волосков, уходящих от пупка куда-то вниз, под ремень брюк.

Адам Браун открыл мне голым. Ну, ладно. Почти голым, всего лишь с обнаженным торсом. Но этого с лихвой хватило, чтобы я не сумела поднять глаза и посмотреть собственному преподавателю в лицо.

– Здравствуйте, – мой голос предательски дрогнул. – Я к вам...

Мне показалось, что воцарившаяся пауза длилась вечно, пока холодный голос не произнес:

– Входи.

Бросил сухо, словно подачку шелудивому псу. Я лишь немного приподняла взгляд, чтобы убедиться, что путь в квартиру свободен, и шагнула вперед.

Казалось, за мной захлопнулась не обычная дверь, а затворка в клетке с диким гризли.

– Ну, чего встала? Проходи вперед, – в интонациях слышались бесконечное раздражение и даже злость.

Но я продолжала стоять на месте как дура, пока не почувствовала его руку чуть ниже спины, подталкивающую внутрь просторной гостиной.

Захотелось ойкнуть и отшатнуться, но, вспомнив о цели визита, я пулей влетела в комнату и уселась на широкий диван. Мысленно твердила себе, что это прикосновение – всего лишь случайность, но что-то внутри беспокойно возилось и заставляло напрячься. Ведь профессор Браун меня не просто подтолкнул – мне показалось, что даже едва заметно сжал мои ягодицы.

– Ну так зачем ты пришла? – спросил он, присаживаясь в кресло напротив. – Только не говори, что за внеклассными занятиями.

Несмело, но я все же подняла взгляд. Мне казалось, что, открыв мне в таком виде, он все же потрудится надеть на себя хотя бы майку, но мистер Браун не только невозмутимо расположился в кресле, но еще и бокал со спиртным взял в руку. Даже невооруженным глазом было заметно, как сильно его пальцы сжимают стекло в руке, того и гляди переломят тонкую ножку.

– Я пришла просить у вас снисхождения к моей сестре – Мелани. Это она со своим другом угнала сегодня вашу машину, – на одном дыхании выпалила я, стараясь смотреть ему точно в глаза.

– Сестра? – переспросил он, немного подавшись вперед, и я увидела, как его зрачки сузились. – Признаться, когда мне сообщили фамилии похитителей, я думал, что это твоя однофамилица. Мне казалось, ты из более благополучной семьи.

Произнесено было таким тоном, что в нем чувствовалась вся возможная безразличность этого мира. Я почти физически ощутила, как мне на лоб поставили штамп: сестра наркоманки. А в скобках меленьким шрифтом приписка: потенциально безнадежна...

– У меня хорошая семья, – тут же воспротивилась я его выводам. – Просто Мел оступилась. Такое бывает, она исправится. Это ведь впервые... Она обязательно пройдет курс лечения. Если вы мне не верите, наведите справки о ее отметках в университете. Мелани круглая отличница, очень образованная и умная девушка.

– Да неужели? – Его бровь скептически изогнулась, а в голосе прорезались издевательские нотки. – А мы сейчас точно об одной и той же Мелани Томпсон говорим? В участке я видел обдолбанное быдло, матерящееся на полицейских.

Я вновь опустила взгляд, потому что сама с сестрой так и не встретилась, сразу полетела сюда, на квартиру к профессору. Но я достаточно слышала по телефону, чтобы понять – скорее всего, профессор прав и Мел вела себя не лучшим образом.

– Так зачем ты пришла? – повторил он свой вопрос. – От меня-то что хочешь?

– Заберите заявление. Не ломайте ей жизнь. Мел ведь выгонят из универа и посадят в тюрьму. А меня могут отчислить вслед за ней, – едва слышно пробормотала я. – Обещаю, сестра исправится, пройдет курс против зависимости. Я сама проконтролирую. И деньги за ремонт автомобиля вам тоже верну сама. Устроюсь на работу, буду отдавать все, что заработаю, до последнего цента. Только заберите заявление.

– Ты хочешь, чтобы я собственноручно оставил наркоманку на свободе? – Он все же отставил бокал на столик. Ножка коснулась столешницы с таким резким звуком, что я поморщилась и неуютно дернула плечами. По коже пробежался холодок липкого страха перед чужой злостью. – Такие, как она, должны получать по заслугам. Наркоманы – гниль нашего общества, а от гнили нужно избавляться. Сегодня она украла автомобиль, а завтра прирежет кого-нибудь? Ты не думала о том, что могло случиться, если бы сегодня она сбила человека насмерть? Или несколько человек? В трех кварталах от места аварии находятся детский сад и школа. Твоя сестра могла стать сегодня убийцей. Ты бы тоже пошла к безутешным родителям просить забрать заявление?

Поджала губы. Потому что даже не думала о том, что он сказал. Даже представить себе такое не могла. В голове пронеслись картины, где в участке вместо искореженной машины мне бы показывали фотографии трупов, и к горлу подкатил приступ тошноты.

И все же... Этого ведь не случилось, а значит, я должна была стоять на своем.

– Заберите заявление. Умоляю. – Я вдруг отчетливо поняла, что на мою сестру ему плевать и подобрать нужные слова для ее спасения у меня вряд ли получится. Мужчина казался таким разъяренным, говоря о наркоманах. Искренне ненавидящим. И все же я билась головой в эту глухую стену. – Не ломайте Мел судьбу. И мне тоже.

– А ты-то здесь при чем? Если считаешь, что тебя могут отчислить из-за нее, то это полный бред. Хотя попечительский совет наверняка будет настаивать на врачебной экспертизе на предмет употребления тобой наркотиков.

От его слов я дернулась, словно от удара пощечины. Никогда не принимала ничего подобного, даже алкоголь крепче шампанского не пила. При мыслях, что мне придется сдавать анализы и потом нести их в университет, чтобы хоть немного обелить свое имя и спасти если не диплом, то рекомендательные письма для трудоустройства на работу, становилось плохо.

Слезы сами навернулись на глаза, но я тут же вытерла их тыльной стороной ладони.

Нельзя плакать, Фелс. Ты ведь сильная, пережила уже так много. Смерть отца, алкоголизм матери, теперь наркомания сестры... Куда уж хуже? Ниже опускаться, наверное, уже некуда.

– Так что уходи, – закончил свою речь мистер Браун. – Заявление я не заберу, а предложить нечто, из-за чего я бы поступился принципами, ты не можешь. Мне очень жаль, мисс Томпсон.

Вот и точка. Я встала с дивана и сделала несколько шагов к двери. В голове проносились картины ближайшего будущего. Мать, узнав об аресте и отчислении Мел, сохнет окончательно. Сестру посадят, и непонятно, что с ней может произойти в тюрьме. Я не питала иллюзий. Никто лечить ее от наркомании там не станет.

Поговаривают, что с такими молоденькими и красивыми там творят страшные вещи.

Сама не знаю, что на меня нашло, но я рывком развернулась и рухнула на колени перед собственным преподавателем. Взглянула на него снизу вверх глазами, полными слез, которые все же прорвались наружу, и взмолилась:

– Пожалуйста. Я сделаю все, мистер Браун. Только спасите Мелани.

Я смотрела на него не моргая. Его изображение почти размылось перед зрачками из-за пелены влаги, но я видела, что он и сам в полном шоке от смелости моих действий.

На мгновение застыл, и даже дыхание замерло. Его обнаженная грудь не вздымалась, и я уже поверила, что сумела пронять этого мужчину. Всклипнула еще раз.

Но в следующий миг он протянул руку к моей щеке, провел пальцем по скуле вниз, размазывая слезинку до самого подбородка, а потом властно заставил вздернуть его вверх.

– Что угодно, говоришь? – прошипел он, и пальцы крепче сжали низ лица, не давая отстраниться и заставляя смотреть в потемневшие глаза. – Отработать, значит, согласна...

Я попыталась что-то пискнуть. Дернулась, чтобы сбежать. Интуиция была в колокола и требовала уносить ноги, потому что Адам Браун медленно приближался, уничтожая сантиметры расстояния между нами. Пока не впился в мои губы злым поцелуем.

Я замычала, попыталась ударить, но мою руку перехватили за запястье, продолжая сминать любое сопротивление настойчивыми губами и дерзким языком, ворвавшимся в рот.

Жар, исходящий от мужского тела, стал невыносимо близким и напугал до чертиков, Адам с силой поднял меня с колен и, не прекращая целовать, подтянул к себе, вжимая в обнаженную грудь. Я тут же уперлась в нее ладонью, чтобы отстраниться, но под пальцами чувствовала лишь каменные мышцы и вершинки его сосков. И я предприняла единственное, что было возможно в этой ситуации для получения свободы, – впила ногтями в нежные ореолы, заставляя Адама зашипеть и выпустить меня из рук.

– Стерва! – выдохнул он, едва ли не отшвыривая меня от себя куда подальше, а сам вскочил с кресла и подлетел к окну.

Я же свалилась на пол, больно ударившись коленями, но благодарил Господа за то, что получила право на свободный вдох.

– Что вы себе позволяете?! – наконец нашла в себе силы произнести, глядя в широкую спину профессора, и ждала, когда же он обернется. – Вы же мой преподаватель... У вас должна быть этика! Я расскажу обо всем совету попечителей! Вы вылетите с работы за домогательства!

Мужчина подошел еще ближе к окну. Оперся лбом о холодное стекло и сжал кулаки, я видела, как вздулись вены на его руках от напряжения.

– И что ты расскажешь? – не оборачиваясь, спросил он. – Что сама приперлась ко мне в квартиру, встала на колени и умоляла не отправлять за решетку твою сестрицу-наркоманку?! Нет, Фелисити, теперь ты будешь молчать и станешь делать все, что я захочу.

Его голос казался похожим на шипение раскаленного металла, падающего в ледяную воду, а вот звучание своего я не узнала:

– Что вы имеете в виду?

– Скажем так. Теперь тебе есть что мне предложить в обмен на свободу сестры и умалчивание всей этой истории с угоном в университете. Я готов даже не давать делу ход, устранить огласку и денег на ремонт тачки с тебя не потребую. Если...

Эта многозначительная пауза заполнилась лишь звуком звякнувшего где-то на этаже лифта.

– Если? – прошептала я севшим голосом.

– Если я получу доступ к твоему телу. Полный. Какой сам захочу. И ты будешь молчать об этом в тряпочку. Ведь если только заикнешься где-нибудь – я тут же вновь обращусь в полицию с новым заявлением.

Его слова резанули, словно нож по горлу. Мне казалось, я задыхаюсь, словно выброшенный кит на берег.

Хотелось кричать, но я была зажата в тисках обстоятельств.

Адам Браун, гений аналитики, почти божество, которому еще год назад я была готова поклоняться, оказался редкостным подонком, предложившим мне стать его подстилкой взамен на шанс для Мелани. Это ведь самый настоящий шантаж!

Еще две минуты назад я собиралась бежать из его квартиры и трубить во всеуслышание, что он меня домогался, но теперь понимала, что он припер меня к стенке. Как я расскажу кому-то об этом поцелуе, утаив подробности о том, почему вообще оказалась в квартире профессора? Я ведь сама пришла, ради спасения Мел...

– У тебя есть и второй вариант, – произнес мистер Браун. – Ты просто молчишь о том, что здесь только что произошло, и забываешь все, что я сказал. Я не стану требовать от тебя ничего взамен, но и твоей сестре помогать тоже не буду. Так что сама решай, Фелисити Томпсон, что тебе важнее: пару вечеров пораздвигать передо мной ножки или сестра! Время на размышление – пять минут.

Он обернулся. Резко. Так, что я вздрогнула и все же пересеклась с ним взглядом. В черных глазах Адама Брауна плясали демоны ада и бушевал огонь...

Он предлагал секс! От одной мысли об этом меня затрясло, как от удара током.

Потому что это звучало равносильно предложению стать шлюхой. Секс – это ведь не просто пара телодвижений, это... Я не могла подобрать нужных слов. Потому что мне и сравнить его было не с чем.

Я, черт возьми, девственница. И все эти годы хранила себя для одного мужчины. Еще пять лет назад я пообещала Эштону, что он станет моим первым. Он – любимый парень, а теперь и жених.

– Да как вы смеете мне такое предлагать? – все же выпалила я. – У меня через месяц свадьба!

– И что с того? – Адам равнодушно пожал плечами и вернулся обратно в свое кресло. – Ты же наверняка спишь со своим женихом, так зачем изображать оскорбленную невинность, которой давно нет?

Мои щеки вспыхнули, а пальцы сжались в кулаки.

– Я девственница, мистер Браун, – сказала громко, сама пугаясь того, что произношу подобное вслух. Но выхода не было. – И не собираюсь отдавать право быть у меня первым такому, как вы. Для этого у меня есть достойный жених!

– Серьезно? – Уголок его рта дернулся. – В нашей стране большинство девчонок расстаются с плевой еще в старшей школе. Думаешь, я поверю, что ты дотерпела до двадцати трех лет? Ну, или сколько там тебе.

– Мне плевать, во что вы верите. – Я поднялась с пола, отряхнула юбку и выпрямилась в полный рост. – Предложите другие условия сделки!

– Даже не подумаяю. – Мужчина подхватил со столика забытый бокал виски, пригубил напиток, на мгновение о чем-то задумавшись, а после произнес: – Впрочем, есть масса других неклассических видов секса, которые меня устроят!

Мне показалось, что комната вокруг меня пошла кругом, потому как он начал перечислять:

– Оральный... Ты когда-нибудь сосала, Фелс? Анальный... В попку не больно, если правильно подготовить, а самое главное – девственность на месте. – Он загнул два пальца, взялся за третий, но так и оставил его выпрямленным. – Ну так что, мисс Томпсон? Пять минут на исходе! Вы уходите или соглашаетесь на мои условия? Подумайте хорошенько... Сами ведь должны понимать. Каждая минута на счету, и до закрытия участка осталось не так много времени, чтобы я успел забрать заявление до того, как в университет отправят факс с информацией о преступлении вашей сестры.

Весы, на одной чаше которых лежали мои честь и достоинство, а на другой – судьба сестры, качнулись. Что из них стоило дороже? Чем я могла пожертвовать? И могла ли вообще этим жертвовать?

Но призрачный шанс для Мелани перевесил. Он стоил того, чтобы я перешагнула через себя. От секса ведь не умирают, а от наркотиков, да еще и в тюрьме, очень часто.

Я до крови укусила нижнюю губу, а после едва слышно пробормотала:

– Согласна... Но только не сегодня. Не сразу, прошу. Дайте мне хотя бы немного времени привыкнуть к этим мыслям...

Еще полчаса назад я считала себя сильной, а сейчас сдалась, прогнувшись под чужое желание.

Нельзя плакать, Фелс. Но слезы все равно рвутся наружу. Ты пережила уже так много и это переживаешь. Смерть отца, алкоголизм матери, теперь наркомания сестры... Ты не знала, куда хуже?

Вот и ответ.

Хуже тогда, когда сама стала шлюхой.

Глава 3

Адам

Незадолго до прихода Фелисити

Я полулежал в кресле, скрестив ноги, и раздраженно покачивал бокал с плескавшимся в нем виски.

Первый вечер перед выходными, а настроение уже безвозвратно испорчено.

Сегодня два наркомана украли у меня тачку и расфигачили ее о дорожное ограждение. Так что я, можно сказать, поминал «бэху», что несколько лет служила мне верой и правдой!

В довершение всего, пока ехал из участка на такси до дома, слушал въедливую и раздражающую болтовню водителя. Потому и дверь в собственную квартиру открывал почти с ноги, зло швырнув ключи на столик для мелочи. В этом состоянии меня бесило фактически все, поэтому ничего удивительного, что первым делом я избавился от надоевшей за день рубашки и галстука, а потом налил себе бокал виски и теперь методично напивался, глядя в абстрактную картину на противоположной стене. Из колонок звучал тихий блюз, и только это меня немного успокаивало.

Мое почти медитативное состояние нарушил звонок в дверь квартиры. Визгливая трель диссонансом вплелась в гитарные переборы, и я поморщился.

Неторопливо поднялся, бросил на себя взгляд в зеркало и дернул обнаженными плечами. Плевать. Не буду одеваться. Если у кого-то хватило ума прийти в это позднее время и без приглашения, то пусть мирятся со своими неудобствами во имя моего комфорта.

Но стоило только открыть дверь и с хмурой рожей прислониться к косяку, как в голову вломился образ девушки, которой тут не могло быть. Не должно.

– Здравствуйте... – нервно сжала руки девушка, глядя на меня с отчаянной решимостью. – Я к вам!

Ну охренеть теперь.

Я мысленно сопоставил фамилию угонщицы, а также последующее появление Фелисити Томпсон на пороге и едва не выматерился вслух.

Мои демоны вскинули морды и принялись к знакомому запаху желанной добычи. Из глубины души темным пламенем поднималось торжество. Сама пришла...

– Входи.

Цепи рвались. Медленно, звено за звеном расползались по деталям и осыпались к когтистым лапам. Дверь за ней я закрывал уже с четким осознанием, что меня ничего не держит.

Резко обернувшись, я заметил, что Фел мелко дрожит от страха и смотрит перепуганным взглядом... жертвы.

Сука, я ведь считал себя цивилизованным мужчиной! Всегда гордился своим интеллектом, всегда оценивал себя выше основной массы тупых потребителей... но сейчас, да-а-а, сейчас вся эта шелуха опадала, оставляя лишь первобытные инстинкты.

Фелисити пришла просить за сестру.

Умолять смилостивиться.

– Ну, чего встала? Проходи вперед, – приказал я, насмешливо глядя на девушку и подталкивая ее к дверному проему, параллельно чуть спустившись рукой ниже поясницы и сжав верхнюю часть ягодицы.

Красноглазые черти медленно снимали с демонов строгие ошейники...

Я знал... Я уже сейчас, в этот самый момент, знал, что ничем хорошим для девушки визит ко мне не обернется.

Она уютилась на краешке дивана, как птица на ветке... или как человек, который очень неуютно себя чувствует и очень хочет уйти. Она боялась. Меня. Моей квартиры. Будущего.

Это рождало внутри гремучую смесь злости и раздражения, потому как я внезапно понял, что хотел бы видеть от нее совсем другую реакцию.

Но это невозможно, маленькая Фел... Невозможно, потому что у моих демонов мягкие лапы и они уже стоят за твоей спиной. Ты чуешь их дыхание и замираешь от страха.

За пять минут я выяснил все, что меня интересовало. Предположения оказались верны, девочка и впрямь пришла просить за родственницу.

Я задавал вопросы, получал ответы... и делал выводы о том, насколько далеко Фелисити готова зайти во имя своей сестры.

Далеко. Очень далеко. В зеленых глазах светилась твердая убежденность идти до конца, а тонкие пальцы нервно проворачивали кольцо на безымянном.

Это меня взбесило. Это и твердая убежденность Фел в том, что ее дорогая родственница просто разок оступилась, и если ее сейчас отмазать, то все будет хорошо. Она разом исправится, перестанет воровать из дома деньги, трахаться с кем попало за дозу и совершать преступления.

Эти ее иллюзии были так похожи на те, что владели некогда мною. Но факт в том, что наркоманы не меняются. Они умеют потрясающе притворяться. В человеке просыпаются удивительные актерские способности, если им владеет вытягивающая все жилы жажда.

Наркоманка может признаваться в любви, глядя на тебя прозрачными от слез глазами, может шептать клятвы и признания, медленно лаская тело и укутывая твой разум в туман желаний. Говорить, что у вас все обязательно будет хорошо и вот не далее как завтра она пойдет лечиться! Обязательно пойдет, ведь она так хочет от тебя детей, а для этого должна быть здоровой.

Я смотрел на Фелисити. И видел другую.

Которая точно так же заламывала руки, смотрела с точно такой же мольбой и обещала такие же несбыточные вещи. И демоны медленно зверели и обрастали острыми шипами, которые лишь чудом не пропарывали мне кожу, но успешно отравляли разум.

Если в человеке проявляется темная сторона, то очень сложно задвинуть ее назад.

Власть опьяняет. Власть развращает. Власть провоцирует на самые отвратительные вещи.

А сейчас эта малышка зависела от меня целиком и полностью.

Правда, в тот момент, когда она встала, чтобы уйти, я даже удивился и почувствовал укол разочарования, но к нему примешивалось совсем другое чувство.

Облегчение. Я был рад, что она не пошла до конца. Это оставляло во мне хоть какие-то иллюзии касемо чистоты золотоволосого ангела.

Но Фел замерла, а после развернулась и, стремительно преодолев расстояние между нами, рухнула на колени возле моих ног.

– Пожалуйста. Я сделаю все, мистер Браун. Только спасите Мелани.

И, не моргая, смотрела затянутыми пеленой слез яркими зелеными глазами, выворачивала мне душу со всем ее содержимым. Проблема в том, что сейчас там не было ничего хорошего. Лишь жажда, лишь похоть, лишь лютый кайф от того, что она стояла передо мной на коленях.

Член болезненно напрягся в штанах, а воображение рисовало возбуждающие картины. Сколько всего можно сделать, если женщина стоит перед тобой на коленях...

Я могу сейчас протянуть к ней руку... Да что там могу, я уже это делаю. Касаюсь кончиками пальцев скулы и с каким-то садистским удовольствием размазываю слезинку по бархатной коже.

Сколько раз я думал о том, какая она на ощупь? Сколько раз просыпался ночью от того, что видел во сне, как трахаю пахнущую яблоками девочку? Но это были сны, в реальном мире она знать не знала о моих желаниях.

Но мы сейчас это исправим. Меня продрало мурашками от тактильного кайфа, потому что Фел оказалась в сто раз лучше, чем я мог вообразить. Нежная, невозможно нежная.

И такая же продажная, как и та, другая. Как и Клара стоит передо мной на коленях со слезами в глазах, и ей что-то надо!

Эта мысль заморозила все внутри. Все, кроме вожделения.

– Что угодно, говоришь? Отработать, значит, согласна...

У меня подрагивали руки, когда я медленно обхватил пальцами ее шею и притянул к себе. Слишком много образов сошлось сейчас в этой девушке, слишком много эмоций было на ней завязано.

Я склонялся к ней, ловя выражение затравленности и непонимания в глазах и... меня штырило. Словно Фелисити была той самой иглой, которая уже проколола кожу, и сейчас в мою кровь вливается яд, вызывающий эйфорию.

Ублюдок. Я точно ублюдок.

Преодолев последние разделяющие нас сантиметры, я впился в ее губы злым поцелуем и по-прежнему не закрывал глаза, с жадностью ловя в ее взгляде шок и неверие. Быстро перехватил тонкую руку, явно желающую дать мне по морде, и сдал за запястье. Не сильно, но достаточно, чтобы она рвано выдохнула сквозь зубы, а я этим воспользовался, углубляя поцелуй.

Черт.

Зря. Совсем зря. Вообще зря.

Я понял, как феерически лоханул, как раз в этот момент. Фе-ли-си-ти... Ее имя по слогам полыхало в моем воспаленном мозге. Сладкая и сочная, как те демоновы яблоки, которые и сейчас отравляют обоняние. Когда я ощутил на языке ее вкус, у меня окончательно снесло крышу.

Нельзя было позволять себе столько, потому как теперь невыносимо трудно остановиться. Да и зачем останавливаться? Она бьется в моих руках, но я знаю женщин... Не пройдет и нескольких минут, как Фелс будет стонать мне в губы и извиваться от наслаждения. Одинаковые, все они, суки, одинаковые!

Меня накрывало все больше и больше. Рывком притянув девушку к себе, я запустил руку в ее волосы. Чувствовал, как гладкие пряди скользят по ладони, и сходил с ума от потребности ощутить их на своем теле. Да, малышка, я распушу твои волосы... но после того, как раздену.

Из алой пелены злости, замешанной на похоти, меня вырвала боль. Сильная боль от впившихся в грудь ногтей Фелисити. Именно это отрезвило.

Я только что едва не трахнул собственную студентку. Хотя нет, дело обстоит иначе: я ее только что едва не изнасиловал. Потому что реакции Фелисити Томпсон нельзя было счесть согласием, даже если обладать моим большим воображением.

Прошипев что-то ругательное, я подорвался с кресла и торопливо отошел к окну.

И сейчас бы этой идиотке самое время включить голову да свалить от меня куда подальше, но, к сожалению, светловолосому ангелочку в некоторых вопросах не доставало мозгов, потому она начала мне угрожать.

В университете расскажешь? Ты моя святая наивность.

Но все же на какой-то миг мне стало не по себе. Возможно, ей бы даже не поверили, но скандал разгорелся бы страшнейший. Впрочем, Фелисити была умной девочкой и быстро поняла, что выгоднее всего ей будет молчать.

Я смотрел на нее... и хлестал словами раз за разом, с каким-то болезненным наслаждением наблюдая, как она вздрагивает.

И демоны медленно приближались к своей жертве. К моей жертве. Я никуда не отпущу тебя, Фел.

И да, я все же это сделал. Сказал.

– Так что сама решай, Фелисити Томпсон, что тебе важнее: пару вечеров пораздвигать передо мной ножки или сестра.

Я мудак. Козел и сволочь. Но да, я хочу, чтобы она раздвигала передо мной ножки, открывала ротик и позволяла все, что я желаю.

Но даже тут меня ждало удивление. Со слезами на глазах малышка заявила, что она – барабанная дробь – девственница, мля!

По позвоночнику медленно текла раскаленная лава... Сверху вниз. Из воспаленного пошлыми картинками мозга и в бедра, где все уже давно стояло так, что мне было больно.

Есть много видов секса, малышка.

– Оральный... Ты когда-нибудь сосала, Фелс? Анальный... В попку не больно, если правильно подготовить, а самое главное – девственность на месте, – я загнул два пальца, взялся за третий, но так и оставил его выпрямленным. – Ну так что, мисс Томпсон? Пять минут на исходе! Вы уходите или соглашаетесь на мои условия?

Она стояла и с болью смотрела на меня.

Стояла, такая тонкая и беззащитная, а у ее ног сидели красноглазые демоны с израненными шипами шеями.

И согласилась. Согласилась, лишь умоляла немного подождать и, захлебываясь слезами, сбежала из квартиры.

Входная дверь с грохотом закрылась.

Я крепко сжал кулаки и криво, ни хрена не весело усмехнулся. Радости не было никакой.

Да, теперь я смогу трахнуть мечту последних пару лет. Реально ведь, мать ее, мечту.

Глядя на Фелисити, у меня в голове часто появлялась мысль о том, что, быть может, пора заканчивать свое добровольное отшельничество. Ведь нельзя бесконечно сидеть в своей яме и бухать с демонами, кроя матом весь остальной мир и баб в частности.

Я давно смотрел на золотого ангелочка с зелеными глазами. Но сначала пугала сама мысль о том, чтобы подпустить к себе кого-то, вызывающего эмоции, а потом я сдался. Сдался и решил подождать до ее выпуска, а после пригласить на свидание.

У нас бы все было правильно, Фелисити. Так, как вы, девочки, любите. Я могу быть обаятельным, притягательным, и да, я знаю, как сделать тебе хорошо в постели.

Все было бы красиво. Нет, не так, *«все могло бы быть красиво»*.

Хотя вполне возможно, что мой интерес угас бы после пары вечеров зажигательного секса на всех доступных поверхностях. Я был практически в этом уверен, так же как и в том, что не способен сейчас к серьезным отношениям. Не после Клары. На фиг надо. Но молоденькие девчонки неохотно дают тем, кто с ходу заявляет, что это буквально на несколько раз, так что пришлось бы играть по правилам.

А теперь ты согласилась быть моей без всей этой ненужной мишуры. Хотя нет, ты согласилась мне дать. И я даже весьма любезно вник в твою ситуацию и согласился не трогать девственную плеву. Зато могу трахнуть в любые другие места. Офигеть я добрый, не так ли?

Я достал пачку сигарет, которые лежали на дальней полке еще с тех пор, как я часто курил из-за выходов Клары. Сколько уже прошло? Почти два года.

– Клара... – От одного имени в душе поднялась лютая злость. – Даже после того, как исчезла, ты отравляешь мне жизнь. Сегодня у меня два образа слились в один. Ты и малышка Фелс. Вы даже внешне чем-то похожи.

И я сорвался.

Сорвался и предложил студентке такое, от чего у меня в штанах мигом стало тесно, а все руководство университета хлопнулось бы в обморок, если бы узнало.

И кто я после этого?

Сделав глубокую затяжку, я выдохнул дым в приоткрытое окно и, обреченно рассмеявшись, констатировал:

– Редкостный мудак.

Хотя бы потому, что даже сейчас, когда разум чист, я все равно не отпущу эту девушку. Не откажусь от возможности получить ее хотя бы на таких условиях.

И да, мне ни капли не стыдно. Впрочем, пора было одеваться и ехать в участок.

Я ведь пообещал Фелисити освободить ее долбаную сестрицу...

Фелисити

Я снова убегала от него.

Дважды в день бежать прочь от хищника – это плохой знак. Мистер Адам Браун... Негодяй, сволочь... маньяк! Он просто решил взять меня в качестве расплаты за ошибки Мел.

Мое тело, мою душу, все мое существо выворачивало наизнанку при одной мысли, что придется смиренно лечь и отдаться этой беспринципной скотине!

Ненавижу!

Эштон... Что скажет мой жених, когда узнает о потере невинности? На миг в глазах потемнело, и мне пришлось сбавить шаг.

– За что? – шепнула я, смахивая непрошеную слезу. – Почему это все происходит именно со мной?

Мел угнала машину, но в итоге рушится не ее жизнь, а моя.

И тут я, словно наяву, вновь услышала вкрадчивый голос мистера Брауна: «Есть масса других неклассических видов секса, которые меня устроят...» Воображение услужливо нарисовало предложенные им варианты.

– Нет! – выкрикнула я, хватаясь за горящие щеки и пугая бомжа в пальто и шерстяной шапке, копавшегося в мусоре неподалеку.

– Сумасшедшая! – возмущенно выдал он, взмахивая руками. – Совсем распустилась молодежь...

«Распустилась, – мысленно повторила я, – это не то слово. Докатилась. Дожила. Хотела решить вопрос и решила...»

Всю дорогу домой я прокручивала в голове разговор с профессором Брауном, невольно то и дело возвращаясь к поцелую. Это было жутко. И не только потому, что я стала бояться своего учителя в разы сильнее. Имела место и другая причина, более весомая, чем первая. Дело в том, что мои губы все еще хранили на себе вкус этого поцелуя. Словно мистер Браун прекратил его миг назад. Я все еще слышала его дыхание – горячее и шумное. Обоняние улавливало насыщенный, немного терпкий запах; так не пах ни один из моих знакомых парней. Потому что это был запах сильного, уверенного в себе мужчины, отличавший мистера Брауна от прыщавых юнцов и заносчивых идиотов, с которыми я училась.

И еще его голос – тихий, чуть хриловатый – он снова и снова шептал мне пошлости. Разве могла я представить себе подобное еще утром? Да реши я быть смелой и рассказать кому-то о случившемся – мне бы все равно никто не поверил. Холодный и расчетливый Адам Браун ни за что не покусился бы на одну из своих студенток...

Дернув дверь в квартиру, я обнаружила, что она закрыта на замок.

– Мам? – крикнула, стоило войти внутрь. – Ты дома?

Она не отозвалась. Только печально звякнули жестяные банки на полу, о которые я споткнулась. Ушла...

– Черт. – Не удержавшись, пнула их и уселась на пол, обхватив голову руками. Откуда мне взять силы, чтобы разобраться со всем этим?!

Взгляд метался по комнате, безуспешно пытаюсь зацепиться за что-то, удержаться и вернуть здравомыслие хозяйке. Как вдруг остановился, буквально споткнувшись о старое фото на стене. На нем была запечатлена наша семья, еще до смерти отца. Он обнимал нас троих – меня, маму и Мел – и улыбался. Папа всегда учил меня заботиться о сестренке, хотя разница в возрасте у нас была всего в пару лет. «Ты старшая, – говорил он, – помоги ей немного. Нас с мамой не станет, а вы будете друг у друга».

И вот он умер, а мама... Я осмотрелась вокруг, зло усмехнувшись. Ее тоже практически не стало.

Поднявшись, я решительно отправилась в свою комнату и включила старенький ноутбук. Спустя пару минут, собрав волю в кулак, набрала по скайпу Эштона и, присев напротив экрана, задумалась, как начать этот разговор.

– Фелс? – он ответил слишком быстро. Хотя, даже если бы эта минута, пока шли гудки, растянулась на час, я подумала бы так же. – Привет, малышка.

Его нежность болью отозвалась в моей груди. Не находя слов, я лишь улыбнулась и отвела взгляд.

– Я сегодня сильно занят, думал, созвонимся уже завтра, – продолжал говорить Эштон, не замечая моего состояния. – Ты как, не против?

– Не против чего? – переспросила я, потеряв нить разговора.

– Перенести челлендж, – засмеялся он. – Завтра у меня важный тест; я хочу подтянуть кое-что...

– О, нет, конечно. – Я облегченно вздохнула, и рука уже трусливо потянулась к мышке, чтобы отключиться, когда губы сами приоткрылись. Себя я слышала, словно со стороны: – Только хотела спросить... Мне интересно твое мнение по одному вопросу. Это займет не больше минуты.

Черт! Это все совесть, будь она проклята...

– О'кей, что там у тебя? – Эштон откинулся на спинку стула и сложил руки на груди в ожидании.

Я медлила, не зная, что вообще хочу спросить. Не понимая, для чего позвонила. Облегчить душу? Испросить разрешение на секс во имя спасения сестры? Бред!

– Фелс? С тобой все хорошо?

Пока он не начал понимать, в каком я состоянии, пришлось срочно импровизировать:

– Да, все хорошо. Только... Скажи, если бы тебе предложили поступиться принципами ради спасения дорогого тебе человека, ты бы пошел на это? Пренебречь законами морали, но получить взамен нечто очень важное...

– Фелс, ты в порядке? – Голос Эштона изменился. Он сел ровнее и пристально взгляделся в мое лицо.

– Полный порядок, – засмеялась я, передергивая плечами и сама поражаясь своему актерскому таланту. – Это задание по философии. И я все думаю над ответом, но склоняюсь к более эгоистичному поступку. В конце концов, почему человек должен предавать себя, что бы там ему ни обещалось взамен?

– Ну-у, – Эштон заметно расслабился, отвел взгляд в сторону и заговорил, поигрывая карандашом: – Думаю, я бы мог сделать исключение из правил. Если цель реально оправдывает средства. То есть... Ну, если на кону, скажем, жизнь другого человека, а от тебя требуется не так много...

– А если много? Если... скажем, свобода? Или репутация? Или положение в обществе? Должность?

Эштон вдруг рассмеялся.

– Малыш, это все такая ерунда по сравнению с жизнью. Конечно, спасти кого-то гораздо важнее, чем сохранить за собой должность. Или даже репутацию. Крутые у вас задания, а нам ерунду всякую подсовывают заучивать, и никакого полета мысли.

– Да, но...

– погоди, Фелс! – Эштон вскочил со стула, потянулся в сторону и, схватив мобильник, ответил на вызов: – Слушаю. Да, готовлюсь. А сам что? О'кей, приду. Давай.

Отбив вызов, Эштон посмотрел на меня и, виновато пожав плечами, сообщил:

– Колин зовет. Ни хрена сам выучить не может. До завтра, Фелс?

– До завтра, – улыбнулась я, посылая ему воздушный поцелуй.

Он отключился, а я так и сидела, приложив ладошку к экрану и продолжая растягивать губы, изображая фальшивую радость.

Я и сама не знала, чего ждала от этого разговора, но точно не того, что получила. Эш не осознавал, что, по сути, дал мне разрешение на измену. На обман. На предательство.

Переместившись на кровать, я вытянула руки вдоль тела и постаралась отрешиться от эмоций. Потому что внутри разгорался пожар. Противоречивые чувства, одно страшнее другого, раздирали душу на части, а глаза наполнились слезами, смазывающими очертания комнаты...

Я зажмурилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стиснула зубы и, сжав кулаки, призвала на выручку все оставшееся самообладание.

Я – будущий аналитик, одна из лучших студенток на потоке, я должна думать головой, а не сердцем. Собравшись, постаралась взглянуть на все со стороны. Словно кто-то другой попал в сложившуюся ситуацию.

Итак, дано: девушка двадцати трех лет. Умная, бедная, с большими проблемами в виде оступившейся родни. Мать алкоголичка, сестра наркоманка, отец мертв.

Вдоль позвоночника, снизу вверх, пробежал озноб, остановившись в районе затылка и попытавшись вызвать новый раздрай в чувствах. Но я тряхнула головой и продолжила прежнее занятие, не позволяя эмоциям захватить власть над разумом.

Подумав, задала себе основной вопрос: «Насущные проблемы, требующие немедленного действия?» Ответ пришел тут же: «Сестра». Нельзя допустить, чтобы Мел посадили в тюрьму. И я нашла решение. Гадкое, но сто процентов действенное. Только вот мысль о том, чтобы отказаться от данного слова, никак не желала уходить. Я не хотела платить за Мел! Всем своим существом противилась предстоящему и пыталась найти себе за это оправдание.

Чувство вины усугубляло понимание: сестра оступилась, но, если отпустить ситуацию, ее сломают окончательно.

Зато я выйду замуж за Эштона, и не придется спать с мистером Брауном.

Резко сев на кровати, я согнула ноги и, обняв их руками, уперлась подбородком в колени. Слегка раскачиваясь, уставилась на фотографию двухлетней давности, висевшую напротив. Я и Эш. При взгляде на это изображение мне всегда хотелось парить от счастья, потому что оно давало надежду. На светлое будущее, на другую жизнь...

Но теперь, увидев фото, я поморщилась и отвернулась. Потому что поняла, что какое бы решение ни приняла, оно не принесет мне душевного покоя. Вариантов было два: спасти сестру или наплевать на нее, оставив все на суд божий. В конце концов, она сама виновата и я не обязана нести повинность из-за ее слабости. Или должна? Смогу ли я жить счастливо, зная, что не попыталась помочь?..

Можно, конечно, отдаться мистеру Брауну и сделать потом вид, что ничего не произошло. Почему нет? Многие смогли бы так поступить. Но не я. Потому что правда прорвется наружу так или иначе, отравив изнутри наш брак с Эштоном, сделав нас обоих несчастными.

Сглотнув ком, вставший в горле, я поднялась и подошла к окну, за которым уже царила темнота. Прислонившись лбом к холодному стеклу, облизнула пересохшие губы и шепнула:

– По сути, все не так страшно. Он ведь красавчик.

Прикрыв глаза, попыталась как можно точнее вспомнить образ Адама Брауна. Тут же перед мысленным взором всплыла картинка: высокий брюнет с аккуратной модельной бородкой, обрамляющей четко очерченные губы; длинный узкий нос с хищными крыльями, пронзительно-синие глаза под густыми бровями правильной формы... Отчего-то он стоял, облокотившись на свой стол, и смотрел на меня с легкой иронией. Еще миг, и услышала чуть хриловатый голос:

– Хватит летать в облаках, мисс Томпсон. Вернитесь в аудиторию.

Распахнув глаза, я отпрянула от окна и прижала руки к груди, где бешено барабанило встревоженное сердце. Черт знает что! Даже в воображении он меня пугает до дрожи в коленках. И как с таким... как мне с ним... Что он там говорил? Минет? Анальный секс?

Закрыв лицо ладонями, громко протяжно всхлипнула и снова вернулась на кровать, предварительно выключив свет. Свернувшись под одеялом, постаралась забыть обо всем и уснуть хотя бы ненадолго. Но сон не шел. Вместо него в голову навязчиво стучались непрощенные образы слишком пошлого содержания. Я знала, что такое минет, но никогда его не делала. Как-то, довольно давно, Эш даже намекал, что мы могли бы попробовать заняться этим, но я отказалась. Напрасно, наверное, сейчас любой опыт пригодился бы. Хотя кое-что я все-таки успела попробовать...

Стыдливо хмыкнув, вспомнила, как Эштон принес диск с порнофильмом и уговорил посмотреть его вместе. Потом были поцелуи, его неловкие попытки склонить меня к сексу, мое твердое: «Нет». Ведь у нас был давний договор: лишение невинности только после учебы. Я хотела, чтобы он верил мне, чтобы понял, что станет моим первым и единственным мужчиной, несмотря на долгую разлуку...

Но после просмотра того фильма, всегда спокойного и на все согласного Эштона словно подменили, он настаивал хотя бы на подобии близости, и я не смогла ему отказать. Кунилингус. Такое странное слово. В интернете многие буквально оды пели этому фееричному действию. А я... Я оказалась фригидной. Потому что, как ни старался Эш раззадорить меня, ерзая языком между моих ног, ничего не выходило. Он касался меня там и пальцами, и губами... Но все, что я испытала, можно назвать одним словом – неловкость. Я терпела, сжав зубы и отвернувшись в сторону. Ждала, пока он закончит, и иногда издавала что-то наподобие стона, пытаясь изобразить удовольствие. Потому что не хотела его обижать. И потому что было стыдно за свою холодность.

Но, кажется, Эш что-то понял, потому как больше не предпринимал попыток повторить наш странный опыт, согласившись дожидаться окончания учебы.

И вот теперь профессор Браун потребовал от меня новой пытки. Минет. Я видела мужской пенис в фильмах, в интернете, много слышала о нем и о том, что им вытворяют парни из моей группы... И, честно говоря, мне даже было любопытно, как происходит то или иное действие. Но ровно до тех пор, пока это меня не касалось. Потому что взять ЭТО в собственный рот... Ох! Меня замутило... Какое, к черту, возбуждение? Да я просто умру на месте! И этого мудака посадят. Если, конечно, он не придумает, как осторожно избавиться от трупа...

Не знаю, когда пришел сон. Но провалилась я в него как-то незаметно, впрочем, вынырнула обратно так же, толком не отдохнув и чувствуя себя даже более разбитой, чем раньше.

В соседней комнате послышался какой-то звук, и я, взглянув на часы, мысленно выругалась. Пять утра. Могла бы поспать еще полтора часа, они бы пришлись как нельзя кстати... Впрочем, все эти мысли позабылись, стоило окончательно проснуться и понять, что звук исходит из комнаты Мел.

Сестра и правда нашлась там. Сидя на полу, она облокотилась головой на кровать и смотрела в потолок. На звук моих шагов Мел отреагировала лишь тихим: «Кто?»

– Это я, – шепнула, чувствуя, как в душе поднимается смесь из двух противоречивых чувств: радость пополам с отчаянием... – Тебя отпустили? Насовсем?.. Мелани, ты в порядке?

– А похоже, что я в порядке? – усмехнулась она как-то слишком по-взрослому для своих лет. – Мне плохо. Я – долбаная развалюха! Обреченная, убогая и тупая развалюха...

Она всхлипнула, а я рванула вперед, падая на колени рядом и обхватив ее голову руками.

– Все будет хорошо. Слышишь? Не смей думать иначе!

Мел вздрогнула, посмотрела на меня стеклянным взглядом и, тихо всхлипнув, покачала головой:

– Зачем тебе это? О, наша святая добродетель! Да меня тошнит от тебя! Давай беги от нас, прекрасная Фелисити! Прочь!

– От кого бежать? О чем ты говоришь? – шептала я, поглаживая ее по голове и путаясь в спутанных волосах. Когда-то они блестели на солнце, словно расплавленное золото. Теперь же больше напоминали жженую солому. Боже, как я могла пропустить эти изменения? И я говорю отнюдь не о волосах...

– От меня! Как ты там всегда говорила? Гребаные наркоманы? Так вот одна из них! Конченная дрянь...

– Мел! – ополчилась я. – Что ты несешь?! Давай я помогу тебе лечь в кровать.

– Что тебе нужно?! – Откинув мои руки, она схватила меня за плечи и заставила посмотреть ей в глаза. Смотреть и не узнавать. – Наша всемогущая Фелисити! Давай, следуй за мечтой! А со мной покончено. Не знаю, каким чудом ты уговорила профессора Мудака забрать заявление, но это ведь далеко не все. Мне предъявят обвинение в хранении наркотиков. Этот мужик, наш сосед-полицейский, он сказал, что будет большой штраф. И то мне повезло, потому что я раньше не привлекалась.

Она вдруг засмеялась. Грубо, зло. Совсем неправильно.

– На первый раз они будут ко мне лояльны и, скорее всего, не дадут срок. Только штраф. Тысячи четыре, Фелс! Где мне взять четыре тысячи? Попросить у нашей матери-алкоголички?! Раздвинуть ноги на панели?! Пожалуй, я так и сделаю! И денег заработаю, и удовольствие получу!

Она уже вовсю хохотала, снова откинув голову и вздрагивая всем телом. А я не могла пошевелиться. Только смотрела на младшую сестру, с которой, казалось, еще вчера мы играли в куклы во дворе перед домом. Как так вышло, что милая, приветливая девочка превратилась в это?.. И что делать дальше? К кому мне идти за советом?! Где взять силы?.. И деньги. Даже пятьсот долларов для нашей семьи сейчас неподъемная сумма.

– Все будет хорошо! – громко и четко произнесла я, поднимаясь и сама не веря сказанному. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Маленькая победа уже одержана. Профессор забрал заявление, а тебя отпустили домой. Мы справимся!

– Ох, Фелс! – Мел вдруг рванула ко мне, обхватила мои ноги и начала их целовать, выкрикивая: – Не бросай меня! Только не бросай! Я обещаю, что больше не буду делать ничего такого... Обещаю тебе! Вытащи меня, Фелс, ты же такая умная!

Что я испытывала при этом? Жалость. Омерзение. Брезгливость. И все это венчалось угрызениями совести. За то, что не предотвратила... Даже невооруженным взглядом я сейчас видела, как сестру ломает изнутри дрянь, которой она себя пичкала. Резкие смены настроения, возбудимость. Агрессия и тут же смена апатией...

Как я могла не замечать этого раньше?

Меня трясло, когда я отрывала сестру от себя и силой укладывала в кровать. Трясло, когда стягивала с нее одежду и укрывала розовым одеялом в мелкий цветочек, трясло, когда давала обещание:

– Я не брошу тебя, Мел. Мы ведь сестры. Я все решу, ты только помоги мне немного. Держись от всей этой грязи подальше. Слышишь?

– Меня отправят на лечение, – кивала Мел, облизывая сухие губы и нервно стирая слезы с опухших глаз. – Я вернусь совсем другой. Прежней. Вот увидишь. Спасибо тебе, спасибо...

Она схватила меня за руку, приложила ладонью к своей щеке и запричитала:

– Помнишь, как папа нас мирил, когда мы ругались? Он всегда говорил, что мы должны поддерживать друг друга. В целом мире у нас нет никого роднее. Да, Фелс? Только ты и я.

– Ты и я, – повторила, словно эхо, не узнавая собственный голос.

– Я так устала, Фелс, – зажмурившись, проговорила Мел. – Если бы ты только знала... Можно я посплю? – Она зевнула, отвернулась и накрыла голову одеялом. – Я немного посплю, Фелс. Уходи. Не нужно стоять здесь...

И я ушла.

Неспешно, словно в замедленной съемке, пересекла гостиную и оказалась в ванной комнате. На ходу стягивая одежду, вошла в кабинку и, включив душ, долго бездумно растирала кожу колючей мочалкой, желая отмыться от всей той грязи, в которую нырнула с головой.

Выплыву ли сама? Не знаю... Спасу ли кого-то и стоит ли хоть один из нас спасения? Не знаю... Смогу ли бросить их, устраивая собственную жизнь? Не смогу.

Когда решение наконец-то оформилось в моей голове, стало легче. Осознание неизбежного примирило меня с судьбой, загнав страхи куда-то в темные углы подсознания.

Кроме того, приходилось признать, что профессор Браун – меньшее из зол. Много ли удовольствия трахать фригидную девственницу? Вряд ли. Скорее всего, мой мучитель быстро разочаруется в подобной забаве и отпустит меня на все четыре стороны. А дальше предстояло найти деньги. Около четырех тысяч долларов...

Присев за стол, я пила крепкий, только что сваренный кофе и думала, думала, думала... Но в голову не приходило ни одной дельной мысли, только скулили из своих углов страхи, не давая забыть о них ни на секунду. Когда открылась входная дверь, я оглянулась, теща себя надеждой хоть на что-то хорошее. Зря.

– Сид-ш? – едва ворочая языком, пролепетала мама. Облокотившись о стену, она стащила с себя весьма потрепанного вида туфли и отставила в сторону сумку. – Контрольные п-шишь?

– Нет, жду тебя, – честно призналась я. – Нам нужно поговорить. Пожалуйста.

– Нач-нае-ца. – Закатив глаза к потолку, она фыркнула, после чего закашлялась и двинулась к своей спальне. – Выр-стила д-рмоедку.

– Мама! – В отчаянии я вскочила со стула, и он с грохотом отлетел в сторону. – Послушай меня! Речь о Мелани!

– И? – Она обернулась.

– Ее вчера задержали! – Слезы покатались по моему лицу. – Она с дружкой угнала машину одного из профессоров университета. И при этом...

– Уф-ф-ф... – Мама громко вздохнула и схватилась за голову. – Дерьмо.

Я замолчала, ожидая продолжения разговора. Но дождалась совсем не того, что полагала услышать:

– Сколько можно? Мне вас до гроба на себе т-щить? – Она пьяно моргнула, почесала переносицу и, фыркнув, все-таки вошла к себе, приговаривая: – Сели на мою шею...

Я медленно придвинула к себе стул, села на него, пододвинула чашку с недопитым кофе и... схватив ее, швырнула в стену. Раздался громкий звон разбитого стекла. На светлых обоях расплылось некрасивое коричневое пятно, а на ламинате появилось несколько бесформенных лужиц...

И убирать все это тоже предстояло мне.

Глава 4

Фелисити

Выходные прошли словно в тумане. Весь уик-энд, в течение которого полагалось отдыхать, я работала, буквально падая ночью в постель и не помня себя от усталости.

Выполнив шесть контрольных заданий для парней с моего потока и получив за них немного денег на электронный кошелек, я купила продуктов и приготовила еды на несколько дней вперед. После долго слушала причитания проснувшейся к вечеру матери о том, что она вырастила неблагодарную дрянь, которая не может выделить ей пару баксов до зарплаты. Мелани и вовсе все выходные не вставала с постели, то обвиняя меня во всех смертных грехах, то умоляя не оставлять одну.

В воскресенье мама, кое-как протрезвев, отправилась на работу – посудомойкой в вечернюю смену. Разговаривать со мной она по-прежнему не желала, про Мел слушать тем более.

Я всеми силами старалась держать себя в руках, но выходило плохо.

Вечером в воскресенье к нам в дом пришли служащие и велели Мелани собираться. Оказывается, эта служба работала даже по выходным.

Прокурор вынес постановление о принудительном лечении за пределами штата в закрытой клинике.

– Но ведь у нее учеба, завтра в университет! – Я попыталась возразить, но в ответ лишь получила пренебрежительный взгляд одного из специалистов.

– Если бы ваша сестра думала об образовании, то не принимала бы наркотики.

В довершение всего мне выдали постановление о сумме штрафа в четыре тысячи долларов и указание с датами, когда Мел необходимо объявиться на обязательные общественные работы.

Провожая сестру, я помогла сложить ей некоторые вещи и крепко обняла перед уходом.

– Я все исправлю, – шепнула она, шмыгая носом и боязливо глаза на пришедших за ней мужчин. – Фелс, слышишь?

– Да, – шепнула, устало улыбнувшись. – Мы будем ждать тебя дома.

Ночь прошла беспокойно. Снились кошмары, перемежающиеся пустотой и воспоминаниями из детства. Несколько раз проснувшись, я подолгу не могла уснуть, прислушиваясь к неестественной тишине вокруг.

Одна в квартире. Хотела ли я остаться одна и в жизни? Без них. Чтобы больше ни мамы, ни Мелани... Нет. Это было жутко.

Я обязана была дать им еще один шанс. Последний. Я так решила.

Автобус остановился у остановки, и я вышла на улицу, щурясь от слишком яркого солнца. Глаза болели после бессонной ночи, а голова была абсолютно пустой. Так бывает, когда бесконечно думаешь о своей жизни, пытаешься найти в ней хоть что-то хорошее, и не находишь этого... Конечно, есть Эштон, но при воспоминании о нем я чувствовала себя предательницей и от того лишь глубже погружалась в апатию.

Мимо меня проходили девушки и парни, все спешили в универ, обсуждали прошедшие выходные и собственную личную жизнь, а я еле переставляла ноги, не желая приближать момент, когда снова увижу Его – человека, владеющего правом на мое тело.

Словно в насмешку, сбоку раздался знакомый девичий голос. Британи громко расхваливала достоинства некоего автомобиля. Но привлекло мое внимание отнюдь не высокая оценка «крутой тачки», а имя, упомянутое Британи...

– На таком капоте только трахаться! – вещала моя однокурсница, пошло ухмыляясь в ответ на хихиканье трех своих подружек. – Chevrolet Corvette, новая тачка мистера Брауна.

Рыжеволосый парень в их компании восхищенно присвистнул:

– Огонь! Полноприводная! Там лошадей пятьсот точно!

– Значит, еще и скорость развивает о-го-го! – со знанием дела вклинилась в разговор Пруденс. – Эх, прокатиться бы.

– Он таких убогих, как ты, не катает... – мурлыкнула в ответ Британи. – Он вообще никого из университета не удостоивает особым вниманием...

Дальше я не слушала. Лишь мельком взглянула на по-настоящему шикарную черную машину, выгодно выделяющуюся на фоне остальных и буквально разящую агрессией пополам с шиком. Такая наверняка стоила целое состояние...

Я досадливо поморщилась, поправила сумку на плече и взбежала по лестнице в здание главного корпуса. В коридорах, так же как и всегда, преподаватели спешили в аудитории, торопились куда-то студенты, а у окон стояли парочки, и то и дело сквозь веселый гомон разговоров слышался кокетливый женский смех.

Первые пары пролетели стремительно и неудачно. Мне сделали замечание по поводу рассеянности на первой, и, судя по всему, я чрезвычайно паршиво написала тестовую работу на второй. Неотвратимо приближалась встреча с Адамом Брауном, что должен был вести у нас следующее занятие.

В аудиторию я заходила, как Мария Антуанетта на эшафот.

Профессор уже был там и, не обращая внимания на студентов, что-то писал в плане на занятие, а я на сгибающихся ногах проследовала к своей парте, мысленно проклиная недавнюю тягу к знаниям. Если бы не это, могла бы спокойно забраться на галерку и спрятаться за спинами сокурсников. Но такое поведение от «самой одиозной зубрилки курса» покажется очень странным, а мне лишнее внимание не нужно.

Пальцы дрожали. Я судорожно сжимала их на учебных принадлежностях, чтобы не выронить их, как в пятницу. Отодвигаемый стул пронзительно-громко проскрипел ножками по паркету, и я обмерла, встретившись взглядом с отвлекшимся от своих записей Адамом Брауном.

Весь мир словно ушел на задний план. Четко видела только спокойные темные глаза на невозмутимом лице и почему-то ручку «Паркер» в длинных изящных пальцах. Я всегда восхищалась его манерами вести дела, работать с аудиторией на занятиях и увлекательно читать лекции. А сейчас он меня пугал... Просто своим наличием в нескольких метрах.

В ушах звенело, ноги подгибались, и я осела на стул в полном осознании, что это все для меня слишком. Я не могу так, не могу!

Начавшуюся внутреннюю истерику прервал звонок и спокойный голос профессора:

– Итак, раз все в сборе, то, пожалуй, начнем. Хочу сказать, что я разочарован итогами контрольной, проведенной на прошлом занятии. Это просто безобразно, господа. Потому сегодня мы разберем самые частые ошибки, а в конце пары вы заберете свои работы. Начнем!

Чертов Браун вел себя так, словно ничего не было и мне померещился весь этот кошмар в его квартире. Ни единого лишнего взгляда, а тем более прикосновения или намека. Внимания ровно столько же, сколько и всегда.

Профессионал высшего уровня.

Чтоб его черти унесли! И показали все прелести нетрадиционных видов секса.

С горем пополам получилось сосредоточиться, и остаток занятия прошел терпимо. Но все равно долгожданный звонок стал для меня гонгом освобождения. Я радостно проследила за тем, как профессор неторопливо вышел из аудитории, а после в числе остальных студен-

тов рванула к преподавательской кафедре. Кое-как отвоевав свою работу, я, трепеща, открыла последнюю страницу и замерла... Потому что там были сразу две новости. Одна хорошая, а другая плохая.

За самостоятельную Браун мне поставил «отлично», но после этого следовала приписка: «Жду вас сегодня на дополнительном занятии в 18.00. В той же лаборатории, что и в пятницу».

Эм... Какая еще лаборатория? В конце недели ничего подобного не было.

Но почти сразу я шепотом прокляла свою несообразительность и, скривив губы, осознала, про какие именно занятия он говорил. В пятницу я пришла к нему домой, и мы там заключили соглашение. Уже все, да? Пора выполнять?

Я прикусила губу и резкими движениями, не боясь помять, запихала листы контрольной в сумку.

После этого апатия и отчаяние навалились с удвоенной силой. Меня подхватил шумный поток студентов и куда-то понес, а я просто не сопротивлялась этому течению, вяло переставляя ноги.

Растерянным взглядом окинула столовую, в которой оказалась, и пошла к пункту раздачи. А то потерять сознание от голода прямо под профессором Брауном как-то неуважительно.

Присев за столик и проигнорировав попытку вовлечь меня в диалог, минут пятнадцать медитировала над едой. Рассеянно тыкала в нее вилкой и даже с трудом запихала в себя пару листиков салата, но поняла, что дальше мучиться смысла нет. С этим с успехом справится профессор через несколько часов. Господи, реально совсем немного времени осталось. Колени предательски задрожали, а из прострации вывел только голос одного из однокурсников:

– Томпсон! – Меня с размаху хлопнули по плечу. – Что застыла? Нам уже пора нестись на лекцию к мисс Дэвис! А то она все перья за опоздание ошциплет!

К счастью, мы успели за несколько мгновений до звонка, и у нашей штатной гримзы не было ни шанса понудеть на тему нерадивых студентов. Первый раз, когда мне хотелось, чтобы пара у мисс Дэвис длилась и длилась!

Но, увы, все хорошее когда-либо заканчивается. Экономика тоже.

Время летело стремительно. Все по той же инерции, выработанной с годами, после того как пары закончились, я отправилась в библиотеку. Нужно было почитать материалы к экзаменам. И я честно пыталась все это сделать! Пока в дверном проеме не появился Адам Браун. Не глядя на меня, он тихо переговорил с библиотекарем, и тот, с готовностью кивнув, передал ему какую-то заранее подготовленную книгу. Браун расписался в ведомости и покинул просторное помещение, навсегда забрав с собой хотя бы иллюзию моей сосредоточенности на учебе.

Потому как я разом вспомнила о нашей договоренности, а также о том, что я понятия об анальном сексе фактически не имею. В неизвестности я оставалась недолго, спасибо Гуглу. Осторожно оглянувшись, я быстро набрала в поиске жуткое словосочетание, потом, чуть помедлив, нажала на замыленные цензурой картинки и едва слышно ахнула, мучительно покраснев. Мать Божья...

Следующие пять минут прошли в режиме просвещения в предмете, о котором я бы и знать не желала. Изображениями не ограничилась, зайдя на несколько тематических сайтов, я сидела, потрясенная фотографиями со всевозможными девайсами для подготовки... Пробки, хвосты и фаллоимитаторы просто чудовищных размеров.

Он не может так со мной поступить. Это ужасно, унижительно и больно. Противостоит, наконец!

Почувствовав приступ тошноты, я закрыла все вкладки и даже брезгливо отбросила от себя телефон.

Время пролетело слишком быстро. Казалось, что я только пришла в библиотеку, а вот уже пять часов вечера, и пора собираться домой к чудовищу.

Встала, словно в тумане сдала всю литературу, почти не помня себя, вышла из университета и села на трамвай. Потные ладони соскальзывали с поручня, в животе поселился холодок, а в голове звенящая пустота, в которой был лишь бесконечный ужас. Внутри меня давно уже тикал секундомер обратного отчета, и я, нервно дернувшись, поняла: наверное, именно такие чувства испытывают самоубийцы. Да, я понимаю, что жизнь и принудительный секс – это немного разные вещи, но для меня теперь мир раскалывался на «до» этого и то, что ждет меня «после».

Что мистер Браун потребует сделать в первую очередь? Минет или сразу на колени становиться и прогнать поясницу?

Я всхлипнула, но тотчас потрясла головой.

Ничего, Фелисити! Выживешь! Не ты первая, не ты последняя, в конце-то концов. Вот сколько девушек в интернете...

Лишь бы все прошло быстро, без издевательств и мучений.

Безликий голос объявил остановку, я вышла из транспорта и, запрокинув голову, посмотрела на высотку. При свете дня она казалась еще более роскошной. Поднимаясь на последние этажи, я от души желала, чтобы лифт ехал как можно медленнее, но он взлетел буквально за секунды. То ли от резкой смены высоты, то ли от стресса мое сердце ухнуло куда-то вниз, словно нечто невидимое перерезало последние нити, на которых держалась надежда в лучшее. Бесшумно распахнувшиеся двери ознакомили мой выход на плаху. Я медленно подошла к знакомой квартире и, подняв трясущуюся руку, все же нажала на кнопку звонка.

За спиной с траурным шелестом закрылись створки лифта.

Вот и все...

Браун открыл слишком быстро, словно ждал моего прихода и сразу поспешил к дверям.

Он возник на пороге: высокий, спортивный, пугающий... подавляющий. Стоял, как и в прошлый раз, прислонившись к косяку, и не сводил с меня темного, странного взгляда, а после одним рывком отошел с дороги и, мотнув головой, пригласил в квартиру.

И тишина...

Не поднимая глаз от пола, я сделала несколько шагов вперед, сняла обувь и аккуратно поставила туфли, а следом стянула верхнюю кофту и повесила на вешалку. В общем, делала все, для того чтобы оттянуть свое появление в гостиной, где скрылся хозяин дома.

Но ничто не длится вечно, и пришлось идти вперед. Замерев на пороге, я окинула помещение долгим взглядом, понимая, что в прошлый раз совсем не рассматривала обстановку и умудрилась пропустить панорамные окна.

В комнате царил полумрак, освещаемый лишь огнями города за стеклом и ночниками в виде шаров Теслы с бьющимися внутри молниями. Невероятно красиво.

Адам стоял возле окна, пристально глядя на меня, а я наконец-то нашла в себе смелость поднять голову и встретить его взгляд.

Сейчас мужчина был одет, но все равно его облик настолько отличался от того, что я привыкла видеть в университете, что это диссонансом отдавалось у меня в висках. Словно другой человек. На работе строгий, упакованный в костюм гений-аналитик. Станный, но справедливый.

А дома на нем были широкие серые штаны с низкой посадкой и белая майка, плотно облегающая торс с четко прорисованными мышцами. Сейчас Адам Браун был красив и агрессивен сексуален.

И меня это пугало.

Ни малейшего трепета или восхищения, ни единой искры любования мужской статью. Я его просто и без прикрас боялась.

– Подойди, – хрипло позвал он.

Тот десяток шагов, что мне пришлось преодолеть, казался самым длинным в моей жизни. Поневоле я пыталась отвлечься на все, что есть в комнате, и на определенном этапе осознала, что ишу, где лежат все те жуткие игрушки, подсмотренные в интернете. Кнутов по стенам развешено не было, анальных пробок на журнальных столиках тоже не валялось, но это не успокаивало.

Я остановилась в двух шагах от Брауна, не в силах пересилить себя и приблизиться еще больше. Но он сам преодолел оставшееся расстояние.

– Очки будут мешать, – спокойно произнес он, вставая вплотную ко мне и медленно скользя пальцами по щекам все выше и выше, пока не снял тонкую оправу.

Обошел меня по кругу, как тигр в последнем пируэте вокруг добычи, и, встав сбоку, осторожно стащил с волос резинку, растрепав высвободившуюся копну и рассыпав ее по плечам и груди.

Он часто дышал. Поверхностно, резко, и крылья носа дрожали, словно пытались жадно уловить мельчайшие оттенки моего запаха. Когда Адам Браун подцепил одну из светлых прядок и поднес к лицу, глубоко втягивая аромат, а после провел волосами по губам, мое сердце окончательно провалилось в пятки, а я поняла, что пропала.

Он еще и ненормальный.

Глава 5

Адам

Никогда не считал себя извращенцем, но именно это осознание накрывало меня сейчас с головой. Потому что ни один нормальный мужик не станет творить того, что творил я.

Фел...

Она стояла передо мной, в своей обычной скромной юбке, серой майке, кусала губы, потупив взор, и смиренно ждала, что же я ей скажу. А сказать хотелось многое. Точнее, шептать на самое ухо, медленно снимая с нее одежду.

Я не фетишист и никогда им не был, но сейчас руки сами потянулись к девушке, легли на ее талию и притянули ближе. Потому что она мой фетиш.

Фел тихо ойкнула и позволила вжать себя в мое тело. Потереться о нее бедрами, чтобы почувствовала мое возбуждение.

А оно было болезненным, разрывало брюки, и демоны нашептывали мне отдать приказ девчонке развязать шнурки, заменяющие ремень, а после взять член в руку и медленно скользить по стволу вначале пальчиками, а потом и губками.

Но я отмахнулся от этих советов. Слишком долго ждал, чтобы испортить себе все удовольствие ненужной поспешностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.